

ВОЕННЫЕ ПАСТОРЫ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ И ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. В. КАЩЕЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе исторических источников и историографии рассматривается организация деятельности военных пасторов, включенных в штат военных округов и действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделено комплектованию и управлению личным составом штатных военных и полевых пасторов, часть из которых была включена в действующую армию одновременно с началом войны. Определяется влияние командования военных округов и действующей армии на деятельность военных пасторов в отмеченный период. Выявляется, что военные пасторы находились в подчинении у своих духовных правлений и военного командования, при этом последнее обладало широкими возможностями в определении штатного количества военных пасторов, их комплектовании и организации деятельности. Отмечается влияние политики борьбы с немецким засильем на деятельность пасторов действующей армии в годы Первой мировой войны, а также то, что следствием этой политики стали различные ограничения, изъятия, запреты, а в крайних случаях – репрессии в отношении военных пасторов.

Ключевые слова: пасторы; военные округа; действующая армия; Российская империя; Первая мировая война.

THE MILITARY PASTORS OF THE MILITARY DISTRICTS AND THE ARMY OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR

A. V. KASHCHEYEU^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Based on historical sources and historiography deals with the organization of the activity of military pastors, included in the staff of military districts and the army of the Russian Empire during the First World War. Special attention is paid to the recruitment and management of military staff and field pastors, part of which was included in the part of the army with the outbreak of war. The aim of the study is to determine the influence of the command of military districts and the army in the activities of military pastors in that period. Defined that military pastors to obey to their spiritual boards and the military command. The latter had a wide role in defining the regular number of military pastors, their recruitment and organization activities. It is noted the impact of the policy of fight against German dominance on the activities of the pastors of the army during the First World War. A consequence of this policy were various restrictions, exceptions, prohibitions, and repression of the military pastors.

Key words: pastors; military district; army; the Russian Empire; the First World War.

В вооруженных силах Российской империи для обеспечения религиозных нужд военнотружущих действовало специальное ведомственное (военное)

духовенство. Накануне Первой мировой войны в состав этого ведомства входили только православные, католические, евангелическо-лютеранские, еванге-

Образец цитирования:

Кащеев А. В. Военные пасторы военных округов и действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 69–75.

For citation:

Kashcheyeu A. V. The military pastors of the military districts and the army of the Russian Empire during the First World War. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 69–75 (in Russ.).

Автор:

Андрей Владимирович Кащеев – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор О. А. Яновский.

Author:

Andrei V. Kashcheyeu, postgraduate student at the department of Russian history, faculty of history.
kascheevav@rambler.ru

лично-аугсбургские и мусульманские священно- и церковнослужители. На комплектование, управление и деятельность военного духовенства непосредственное влияние оказывала конфессиональная принадлежность. В большинстве научных работ по истории военного духовенства рассматриваются только православные военные священно- и церковнослужители, которые имели не только численное превосходство, но и обладали отдельным управлением, главой которого был протопресвитер военного и морского духовенства. Проблемное поле истории военного мусульманского духовенства активно разрабатывалась с начала XXI в. Однако истории военных капелланов и пасторов уделяется недостаточное внимание, что отчасти объясняется узостью историографической и источниковой базы. Особый интерес представляют военные пасторы, информация о которых фрагментарна и разрознена.

Цель настоящего исследования – определить влияние командования военных округов и действующей армии на деятельность военных пасторов в годы Первой мировой войны, объект – военные пасторы военных округов и действующей армии Российской империи, предмет – организация их деятельности в отмеченный период.

Обращаясь к источникам, изучающим историю военных пасторов Российской империи в годы Первой мировой войны, необходимо отметить законодательные документы, материалы делопроизводства и периодической печати.

К законодательным документам относится Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных, включенный в Свод законов Российской империи¹.

Среди использованных материалов делопроизводства можно выделить информационные документы, официальную переписку, отчетные документы, документы по личному составу и материалы военного делопроизводства. В качестве информационных документов выступали уведомления Министерства внутренних дел (далее – МВД) Российской империи. Они касались назначения священно- и церковнослужителей военными пасторами в вооруженные силы либо полевыми пасторами на случай мобилизации, которые направлялись

в Главный штаб или Главное управление Генерального штаба. Официальная переписка содержит документы МВД, военного министерства и консисторий различного уровня по вопросам комплектования личного состава военных пасторов и организации их деятельности. Результаты работы представлены в виде отчетов военных пасторов в консистории о проделанной работе, о личном составе свидетельствуют наградные листы. Особую группу представляют материалы военного делопроизводства, которыми регламентировалась численность военных пасторов в вооруженных силах и действующей армии, сюда входили Высочайше утвержденные решения Военного совета² и Положения о полевом управлении войск в военное время³.

Материалы периодической печати представлены справочными периодическими изданиями: памятные книжки (адрес-календарями, календарями) тех губерний и регионов Российской империи, в которых действовали военные пасторы. Такими материалами были памятные книжки за различные годы Варшавской⁴, Лифляндской⁵, Санкт-Петербургской губерний⁶ и Кавказские календари⁷. При работе с данными источниками необходимо учитывать тот факт, что информация в них печаталась за предыдущий год от года издания, т. е. информация на 1915 г. отражала положение дел в 1914 г.

При написании настоящей статьи применялись как общенаучные, так и специально-исторические методы. Среди последних особое внимание уделялось историко-генетическому, историко-сравнительному и историко-системному методам.

Историко-генетический метод широко применялся при рассмотрении особенностей организации деятельности пасторов военных округов и действующей армии Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны. Определить специфику положения военных пасторов в этот период по сравнению с иными историческими периодами позволил историко-сравнительный метод. При анализе взаимодействия различных систем управления военными пасторами Российской империи использовался историко-системный метод.

Анализируя историографию военных пасторов, необходимо отметить тот факт, что существуют три основные тематические группы работ. К первой

¹Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 1.

²Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1889. Собр. 3. Т. 7, ч. 1.

³Положение о полевом управлении войсками в военное время. Петроград, 1914.

⁴Памятная книжка Варшавской губернии на 1894 г. Варшава, 1894; Памятная книжка Варшавской губернии на 1899 г. Варшава, 1899; Памятная книжка Варшавской губернии на 1911 г. Варшава, 1911.

⁵Памятная книжка Лифляндской губернии на 1913 г. Рига, 1913; Памятная книжка Лифляндской губернии на 1914 г. Рига, 1914; Памятная книжка Лифляндской губернии на 1915 г. Юрьев, 1915.

⁶Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1914–1915 гг. СПб., 1914.

⁷Кавказский календарь на 1906 г. Тифлис, 1906; Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912; Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913; Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914; Кавказский календарь на 1916 г. Тифлис, 1915; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.

относятся исследования, в которых военные пасторы рассматриваются в рамках военного духовенства Российской империи. К таким можно отнести исследования В. М. Коткова, К. Г. Капкова, Н. П. Карцевой [1–3] и др. В русскоязычной историографии попытку создать целостное исследование истории военного духовенства впервые предпринял В. М. Котков. В своей работе он не только рассмотрел православное военное, но и так называемое «иноверческое» духовенство в армии. Однако следует отметить, что этому духовенству уделена только одна глава, которая не затрагивает тему военных пасторов [1, с. 166–180] и не рассматривает период Первой мировой войны. В исследованиях К. Г. Капкова феномен военных пасторов анализируется в рамках духовенства иных исповеданий. Автор опирается на значительный архивный материал, рассматривает штаты и материальное обеспечение пасторов накануне Первой мировой войны, отмечает деятельность в годы военных действий пастора при канцелярии главного начальника снабжений Юго-Западного фронта Я. Треймана [2, с. 530]. Однако ни появление Я. Треймана в армии, ни причины отсутствия информации о других пасторах в работе не рассматриваются. В статье Н. П. Карцевой названный пастор упоминается при указании на ограничения его деятельности со стороны военного командования [3, с. 145].

Вторую группу представляют работы, посвященные Евангелическо-лютеранской церкви и ее пасторам в Российской империи в XX в. В этих исследованиях рассматривается политика царского правительства по отношению к лютеранской церкви и ее служителям, в том числе и военным пасторам. Признанным российским специалистом в этом направлении является О. А. Лиценбергер¹. Часть работ этой группы рассматривает Положение пасторов в годы Первой мировой войны. Одной из таких работ является труд Г. Н. Алишиной [4]. Особое внимание целесообразно уделить исследованию немецкого историка Э. Амбургера, который в 1998 г. издал биографический словарь «Пасторы евангелическо-лютеранской церкви в России: с конца XVI в. до 1938 г.» [5]. Этот труд содержит фрагментарную информацию о большинстве военных пасторов Российской империи. Так, в статье о пасторе О. Гайлите имеются данные о его довоенной и послевоенной жизни и деятельности, в частности, о занимаемой им должности министра образования Латвийской республики в 1923 г., однако о деятельности на посту военного пастора Кавказского военного округа упоминания отсутствуют [5, S. 320–321].

Третью группу составляют исследования о немцах и лютеранах в Российской империи и Советском государстве. Данная проблема активно разрабатывалась немецкими историками. Интерес представляет коллективная монография «Немцы в России и в Советском Союзе в 1914–1941 гг.» [6]. В одной из глав работы рассматривается политика царского правительства по отношению к немцам и немецким пасторам в годы Первой мировой войны. В частности, анализируются репрессии по отношению к А. Рейншусселю – военному пастору Варшавского военного округа, а в годы войны – пастора армий Северо-Западного фронта [6, S. 123]. Во введении исследования В. Кале «История евангелическо-лютеранских верующих в Советском Союзе: 1917–1938 гг.», характеризуя политику по отношению к евангелическо-лютеранским верующим в годы Первой мировой войны, автор рассматривает и события, связанные с А. Рейншусселем [7, S. 4–5].

Накануне Первой мировой войны в Российской империи существовало только 5 должностей военных пасторов, включенных в штат Виленского, Варшавского, Санкт-Петербургского и Кавказского военных округов. Военное министерство в 1896 г. провело оптимизацию численности военного духовенства неправославных конфессий, по итогам которой численность военных пасторов и военных капелланов была уменьшена, а должности военных мулл ликвидированы. В ходе оптимизации был выработан алгоритм взаимодействия военного министерства и органов управления евангелическо-лютеранской и евангелическо-аугсбургской церквей посредством Главного штаба МВД и через Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ). При появлении вакансии в военном округе командование направляло запрос в Главный штаб о замещении должности, к запросу могли прилагаться и данные кандидата. После получения запроса Главный штаб перенаправлял его в ДДДИИ. В случае наличия кандидата, поддерживаемого военным командованием, ДДДИИ проверял его на дискредитирующие обстоятельства (чаще всего политическую благонадежность). При условии их отсутствия кандидат назначался на должность военного пастора, в противном случае его кандидатура отвергалась. Когда поступал запрос на замещение вакантной должности, ДДДИИ, в свою очередь, делал запрос в Евангелическо-лютеранскую Генеральную консисторию (далее – Генеральная консистория) или Варшавскую евангелическо-аугсбургскую консисторию (далее – Варшавская консистория)². Эти консистории должны были предлагать на вакантные должности кандидатов, назначение которых зави-

¹Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом : автореф. дис. ... д-ра. наук. : 07.00.02 / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2005.

²Рос. гос. истор. арх. (РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 3212. Л. 43–43 об.

село от возникающих у ДДДИИ вопросов. Большое влияние на комплектование личного состава военных пасторов оказывала организация деятельности лютеранских церквей Российской империи. Так, на всех уровнях управления присутствовал и оказывал существенное влияние светский элемент. Во главе консисторий стояли светские президенты, а представители духовенства являлись вице-президентами. В составе Евангелическо-лютеранской церкви Российской империи существовало пять консисториальных округов: Санкт-Петербургский, Московский, Лифляндский, Курляндский и Эстляндский. Во главе каждого округа стояла своя консистория, которая копировала структуру Генеральной консистории. Промежуточным звеном между приходами и консисториями были пробства, выполнявшие схожие с православными благочиниями или католическими деканатами функции. Во главе прихода находились приходские пасторы, для которых обязательными условиями было наличие высшего теологического образования (чаще всего его получали в Юрьевском университете), возраст не менее 25 лет и разрешение консистории на проповедническую деятельность¹. Лютеранские приходы обладали различным правовым статусом, который фиксировался в Уставе Евангелическо-лютеранской церкви.

Военные пасторы представляли две религиозные организации Российской империи – Евангелическо-лютеранскую и Евангелическо-аугсбургскую церкви. Канонически они были практически идентичны, однако деятельность последней не регламентировалась общеимперским законодательством, Евангелическо-аугсбургская церковь имела отдельное управление, а приходы располагались на территории губерний Царства Польского, фактически – Варшавского военного округа. Этот округ был единственным, в котором предполагалось два военных пастора, представлявших Евангелическо-аугсбургскую церковь (впервые должности евангелическо-аугсбургских проповедников были введены в Варшавском военном округе в 1887 г.²).

Должности военных пасторов Варшавского военного округа с 1896 г. стали занимать А. Рейншюссель и А. Пайзерт³, последнего позднее сменил Ф. Пальза. Пасторы не имели отдельных приходов, были включены в состав канцелярии штаба округа и должны были бесплатно исполнять духовные требы для всех военнослужащих их конфессии. После смерти в 1913 г. Ф. Пальзы его должность, вероятно, оставалась вакантной, и в округе служил только пастор А. Рейншюссель. В Виленском военном округе с 1907 г. военным пастором был Ф. Шмидхен, прикомандированный к управлению Рижского

воинского начальника. Пастор Ф. Шмидхен, по исследованию Э. Амбургера, занимал свою должность до 1909 г. [5, S. 461], однако в памятных книжках Лифляндской губернии за 1910–1915 гг. пастор числится в том же управлении, из чего можно предположить, что к началу войны он продолжал служить военным пастором округа. В Санкт-Петербургском военном округе с 1896 г. военным пастором был И. Сандерс (с 1885 г. состоял дивизионным пастором) [5, S. 455–456], который, помимо прочего, являлся настоятелем лютеранской церкви Христа Спасителя в Санкт-Петербурге. В Кавказском военном округе по данным Кавказского календаря после смерти в 1913 г. П. Пипкайлеса (занимал эту должность с 1905 г.) должность военного пастора до 1914 г. оставалась вакантной. Однако в соответствии с наградным листом эту должность с 6 сентября 1913 г. занимал О. Гайлит⁴.

Для обеспечения духовных нужд военнослужащих в военное время Главным управлением Генерального штаба (далее – ГУГШ) в мобилизационные расписания включались представители духовенства. В последнее предвоенное расписание 1910 г., помимо православного и католического духовенства, были включены евангелическо-лютеранские и евангелическо-аугсбургские приходские пасторы, которые в источниках именуются полевыми. Полевые пасторы до мобилизации должны были оставаться в своих приходах, а после ее объявления – явиться в мобилизационные пункты и поступить на военную службу. Полевых пасторов предполагалось назначить в 10 военных округах: Варшавском, Виленском, Иркутском, Кавказском, Киевском, Московском, Одесском, Приамурском, Санкт-Петербургском и Туркестанском. Процесс назначения растянулся на три года, последние полевые пасторы были утверждены только в 1913 г. Причиной послужило то, что на эту должность не назначались по привычному алгоритму, вместо этого кандидатуры желающих предлагались на рассмотрение ДДДИИ и ГУГШ, а после согласования соискатели утверждались консисториями. Кандидатов на назначение во все предписываемые им военные округа (Виленский, Московский, Кавказский, Туркестанский, Иркутский и Приамурский) в 1910 г. представили только Лифляндская и Московская евангелическо-лютеранские консистории. Были предложены гродненский пастор А. Пламт, саратовский пастор Бенинг, московский пастор Зигфрид, пастор Пипкайлес, пастор-адъюнкт в Омске Гранэ и харьковский пастор Крамер⁵. Санкт-Петербургская евангелическо-лютеранская консистория, ссылаясь на недостаток лютеранских

¹Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 1. С. 55.

²Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1889. Собр. 3. Т. 7, ч. 1. С. 400.

³Памятная книжка Варшавской губернии на 1894 г. Варшава, 1894. С. 177.

⁴РГИА. Ф. 821. Оп. 12. д. 211. Л. 225–226.

⁵РГИА. Ф. 828. Оп. 9. Д. 46. Л. 10–11.

пасторов, предложила в полевые пасторы только И. Сандерса. В доступных нам источниках не встречаются упоминания об утверждении указанных лиц полевыми пасторами. Пасторы И. Сандерс и Пипкайлес однозначно не подходили, так как были военными пасторами¹. Департамент духовных дел иностранных исповеданий в 1912 г. вновь поднял вопрос о назначении полевых пасторов, на этот раз в Варшавский, Санкт-Петербургский, Киевский и Одесский военные округа. Из Генеральной консистории, с которой напрямую взаимодействовал ДДДИИ, поступил ответ, что в Варшавском военном округе вопрос подбора и утверждения полевого пастора должна рассматривать Варшавская консистория, так как она контролирует большинство местных приходов. Последняя, в свою очередь, предложила в качестве полевого пастора викария при Калишском суперинтенданте Г. Тыца². По вопросам замещения назначения полевых пасторов в других округах Генеральная консистория связалась с Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консисторией, которая предложила назначить полевыми пасторами в Санкт-Петербургском военном округе пастора-викария прихода Тешково Санкт-Петербургской губернии Я. Треймана, в Киевском – пастора-викария прихода Радомысль Киевской губернии Е. Берга, а в Одесском – пастора-викария Бергдорфского прихода Херсонеской губернии О. Зейба³. Полученная информация была передана в ДДДИИ Генеральной консисторией, в итоге все кандидаты, предложенные Варшавской и Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консисториями, были утверждены. Мобилизационное расписание 1910 г. разрабатывалось для положения о полевом управлении войск в военное время 1890 г., однако за два дня до объявления мобилизации в 1914 г. было принято новое положение, в соответствии с которым в действующей армии предполагалось присутствие лютеранских пасторов, обязанных действовать при канцеляриях главных начальников снабжений армий фронтов⁴.

С началом Первой мировой войны действующая армия Российской империи была представлена двумя общевойсковыми оперативно-стратегическими объединениями – Северо-Западным и Юго-Западным фронтами. После вступления в войну осенью 1914 г. Османской империи была образована Кавказская армия. Вопросы по личному составу действующей армии контролировало управление дежурного генерала Ставки Верховного главнокомандующего, а на фронтовом уровне – управления дежурных генералов штабов главнокомандующих

армий фронтов. Однако непосредственный подбор пасторов осуществлял мобилизационный отдел ГУГШ и ДДДИИ. Сложность в исследовании комплектования действующей армии лютеранскими пасторами заключается в отсутствии историографии по данной теме и узости источниковой базы. Анализ дел, содержащихся в Российском государственном историческом архиве, показал, что в период с 1946 по 1951 г. пропало дело, которое, по-видимому, содержало уникальный материал.

Логичным является предположение о том, что роль военных пасторов действующей армии могли исполнять полевые пасторы. В сообщении Главного штаба в ДДДИИ № 71621 от 26 сентября 1914 г. указывается, что для исполнения духовных треб армий фронта в канцелярию главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта назначены ксендз Г. Зволинский, пастор гофнунгстальского прихода Винклер и мулла Алимов. Следует отметить, что Г. Зволинский являлся полевым ксендзом, а Алимов – военным муллой Киевского военного округа, в связи с этим согласование их назначения проходило по упрощенной форме⁵. О согласовании назначения пастора Винклера информации нет. Наградной лист Я. Треймана указывает, что 23 октября 1914 г. он был назначен военным пастором армий Юго-Западного фронта. В работе Э. Амбургера Я. Трейман упоминается в качестве пастора армий Северо-Западного фронта [5, S. 497], однако эту должность занял военный пастор Варшавского военного округа А. Рейншюссель, призванный в действующую армию, по нашему предположению, согласно распоряжению командования округа, как это было с военным ксендзом Виленского военного округа А. Буржинским. Подтверждение этому – тот факт, что Варшавский военный округ расформировывался, а его командующий возглавил Северо-Западный фронт. В прямом подчинении у начальников канцелярий главных начальников снабжений армий фронтов находились Я. Трейман и А. Рейншюссель. Как указывалось выше, документальных свидетельств о расширении штата военных пасторов действующей армии достаточно мало, то же касается и военных капелланов действующей армии, которые осенью 1914 – весной 1915 г. появились в каждой армии.

Анализ наградных листов позволил собрать информацию о награждении 8 августа 1915 г. командующим IV армией орденом Анны II степени пастора Э. Лунделя⁶. Личность этого священнослужителя интересна тем, что он с 1902 г. являлся пастором Нюландской губернской тюрьмы и войск

¹Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С. 624.

²РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1062. Л. 25.

³РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1062. Л. 41.

⁴Положение о полевом управлении войсками в военное время. Петроград, 1914. С. 24.

⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1062. Л. 65.

⁶РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 204. Л. 80.

армии и флота, расположенных на территории Финляндии. По всей видимости, такая должность свидетельствовала об участии Э. Лунделя в удовлетворении духовных нужд военнослужащих и моряков за плату в мирное время, так как тюрьмы и их штатный персонал находились в подчинении министерства юстиции.

В статье Н. П. Карцевой отмечается, что командование действующей армии с особым вниманием относилось к допуску в воинские формирования лютеранских пасторов. Так, при штабе VIII армии командованием было решено вовсе не назначать военного пастора [3, с. 145]. Этот пример мог быть не единичным. Все военные и полевые пасторы в мирное время, а часть из них и в годы войны, стали пасторами действующей армии, испытывали на себе последствия борьбы с «немецким засильем» в Российской империи, поскольку эта политика была направлена против как евангелическо-лютеранского и евангелическо-аугсбургского духовенства, так и подданных-лютеран Российской империи, неотъемлемой частью которых стали полевые пасторы. Так, осенью 1914 г. из частей и подразделений фронтов и прифронтовых округов в Кавказскую армию начали высылать военнослужащих-лютеран. Призыв немцев-новобранцев также осуществлялся только в Кавказскую армию и ее тыловые части. По различным обвинениям из прифронтовой зоны высылались и лютеранские приходские проповедники. Среди них оказался числившийся полевым пастором Виленского военного округа А. Платт, который в 1914–1917 гг. находился на Урале [5, с. 436]. Как отмечает Г. Н. Алишина, за годы войны под репрессии попали 84 пастора, из них 30 были сосланы в Сибирь [4, с. 155].

В действующей армии в 1915 г. под репрессии попал А. Рейншюссель. По доносу он был обвинен в измене и приговорен к 15 годам ссылки. Не сыграли в его пользу ни более чем двадцатилетнее служение военным пастором, ни награды, полученные в том числе и за участие в российско-японской войне 1904–1905 гг. [6, с. 123]. Однако Я. Трейман под репрессии не попал, что отчасти объясняется его эстонским происхождением. Деятельность Я. Треймана ограничивалась военным командованием отдельных частей и подразделений фронта, которое не допускало его на передовые позиции. В свою очередь командование фронта требовало не чинить препятствий пастору. За годы войны Я. Трейман несколько раз получал ордена за службу.

Из военных пасторов в годы войны службу продолжил И. Сандерс [5, с. 455–456]. О военном па-

сторе Виленского военного округа данных нет, при этом отсутствие имени пастора в памятной книге Лифляндской губернии за 1916 г. не свидетельствует о его смерти. Имеется информация о том, что Ф. Шмидхен умер в 1918 г. [5, с. 461]. Возможно, он, как и А. Буржинский, был назначен в штаб I армии, образованной на основе Виленского военного округа. Особый интерес представляет деятельность военного пастора Кавказского военного округа. Точные данные о том, когда он был назначен и как долго действовал, отсутствуют. Так, в Кавказском календаре должность военного пастора округа указывается вакантной в изданиях на 1914, 1915 и 1917 гг.¹ В издании на 1916 г. военным пастором указывается О. Гайлит.² Однако как отмечалось выше, в его наградном листе указаны другие данные. Существует вероятность того, что издатели Кавказского календаря допустили ошибку, поскольку первоначально военный пастор Кавказского военного округа размещался в Тифлисе, в то время как О. Гайлит находился во Владикавказе.

Фонд 828 РГИА содержит переписку Оттона Гайлита с Московской евангелическо-лютеранской консисторией.³ В переписке он отчитывался за 1915 г., указав, что впервые был допущен в войска Кавказского военного округа только летом 1914 г. В начале Первой мировой войны разрешение О. Гайлита на посещение войск было аннулировано, и пастор был вынужден выехать в Новороссийск. Последующие обращения в штаб округа с просьбой разрешить посетить части округа и фронта оставались без удовлетворения, а в конце июня 1915 г. из штаба пришел ответ, что до завершения войны такое разрешение выдано не будет.⁴

Таким образом, накануне и в годы Первой мировой войны в Российской империи военные пасторы представляли только Евангелическо-лютеранскую и Евангелическо-аугсбургскую церкви. В военных округах и действующей армии военные священнослужители этих конфессий находились под контролем и своих духовных правлений, и военного командования. При этом последнее обладало широкими возможностями в определении штатного количества военных пасторов, их комплектовании и организации деятельности. Во время войны военные пасторы военных округов и действующей армии испытывали на себе влияние политики царского правительства в отношении подданных-лютеран, особенно немецкого происхождения. В связи с этим деятельность военных пасторов проходила в условиях различных

¹Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. С. 666; Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. С. 608; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 608.

²Кавказский календарь на 1916 г. Тифлис, 1915. С. 602.

³РГИА. Ф. 828. Оп. 11–1915. Д. 279.

⁴РГИА. Ф. 828. Оп. 11–1915. Д. 279. Л. 2.

ограничений, изъятий, запретов, а в крайних случаях и репрессии со стороны военного командования. Поскольку не представляется возможным

определить точную численность военных пасторов в годы Первой мировой войны, остается открытым вопрос о степени этих ограничений.

Библиографические ссылки

1. Котков В. М., Коткова Ю. В. Военное духовенство России. Страницы истории. СПб., 2005.
2. Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008.
3. Карцева Н. П. Военное духовенство в национальных формированиях русской армии в 1914–1917 годах // Вестник Перм. ун-та. Сер.: История. 2014. № 3 (26). С. 143–148.
4. Алишина Г. Н. Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник археолог., антрополог. и этнограф. 2015. № 4 (31). С. 151–156.
5. Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937: Ein biographisches Lexikon. Lüneburg, 1998.
6. Eisfeld A., Herdt V., Meissner B. Deutsche in Russland und in der Sowjetunion, 1914–1941. Berlin, 2007.
7. Kahle W. Geschichte der Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938. Leiden, 1974.

References

1. Kotkov V. M., Kotkova Ju. V. [Military clergy in Russia. Pages of history]. Saint Petersburg, 2005 (in Russ.).
2. Kapkov K. G. [Memorial book the Russian military and sea clergy of the XIX – early XX centuries. Reference materials]. Moscow, 2008 (in Russ.).
3. Kartseva N. P. [Military clergy in ethnic formations of the Russian army, 1914–1917]. *Vestnik Perm. univ. Ser.: Istoriya*. 2014. No. 3 (26). P. 143–148 (in Russ.).
4. Alishina G. N. [Evangelical-Lutheran Church and the Lutheran pastors of Russian Empire during the First world war]. *Vestnik arheol., antropol. i etnografii*. 2015. No. 4 (31). P. 151–156 (in Russ.).
5. Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937 [The pastors of the evangelical churches of Russia from the end of the 16th century to 1937]. Lüneburg, 1998 (in Germ.).
6. Eisfeld A., Herdt V., Meissner B. Deutsche in Russland und in der Sowjetunion, 1914–1941 [German in Russia and in the Soviet Union, 1914–1941]. Berlin, 2007 (in Germ.).
7. Kahle W. Geschichte der Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938 [History of the Evangelical-Lutheran communities in the Soviet Union, 1917–1938]. Leiden, 1974 (in Germ.).

Статья поступила в редколлегию 05.04.2017.
Received by editorial board 05.04.2017.